

ГБУЗ Республиканский
клинический
онкологический
диспансер МЗ РБ,
г. Уфа

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРАПИИ НЕМЕЛКОКЛЕТОЧНОГО РАКА ЛЕГКОГО

Д.Д. Сакаева

*Терапия
немелкоклеточного рака
легкого – один
из самых активно
развивающихся разделов
онкофармакологии и
молекулярной биологии...*

Рак легкого (РЛ) является наиболее часто встречающейся злокачественной опухолью и ведущей причиной смертности, обусловленной онкологическими заболеваниями по всему миру. Частота летальных исходов вследствие РЛ сопоставима с совокупной частотой случаев смерти от опухолей предстательной железы, толстой кишки и поджелудочной железы [15]. Около 85% опухолей легкого являются немелкоклеточным раком легкого (НМРЛ). У большинства пациентов с диагностированным РЛ заболевание находится в далеко зашедшей стадии (у 30% отмечается III стадия заболевания, у 40% – IV стадия), причем 5-летняя выживаемость составляет только 16% [16, 21].

НМРЛ составляет более 80% случаев РЛ. Наиболее частыми гистологическими подтипами являются плоскоклеточный рак (55%) и аденокарцинома (20%), но есть и менее распространенные типы, в том числе крупноклеточный, аденосквамозный. Развитие НМРЛ в основном связано с курением, однако около 15% опухолей, преимущественно аденокарциномы, встречаются среди некурящих пациентов. На современном этапе терапия РЛ характеризуется мультидисциплинарным подходом и индивидуализацией терапии. Выявление конкретных генетических и молекулярных нарушений в опухолевых образцах ткани и назначение специфических ингибиторов для этих целей лежат в основе персонализированного подхода.

Неoadъювантная и адъювантная терапия

Хотя операция рассматривается как оптимальное лечение, только в 25-30% случаев НМРЛ опухоли потенциально резектабельны. 5-летняя выживаемость после оперативного вмешательства для Ia стадии НМРЛ составляет до 73% и 25% для IIIa стадии [3]. Только 31-40% пациентов, нуждающихся в проведении адъювантной химиотерапии (АХТ), получают это лечение [6].

Результаты недавнего крупного рандомизированного исследования АХТ демонстрируют от 4 до 5% улучшение выживаемости в течение 5 лет [3]. LACE анализ и обновленный MRC-IGR мета-анализ подтвердил плюсы АХТ в случае резектабельного НМРЛ, за исключением больных Ia стадией. Пациенты в стадии IB с опухолью более 4 см подходят для неoadъювантного лечения [6]. На основании трех рандомизированных исследований показано, что винорельбин является наиболее надежным агентом в качестве адъюванта в сочетании с цисплатином [37]. Лечение в идеале должно начинаться в течение 2 месяцев после операции, поскольку более длительный интервал связан со снижением эффективности. Другие цитотоксические препараты третьего поколения, такие как таксаны, гемцитабин и пеметрексед, показали благоприятное влияние в сочетании с цисплатином в адъювантном режиме по результатам исследований II фазы [3]. К сожалению, эффективность этих адъювантных схем не сравнивалась в рандомизированных исследованиях с комбинацией винорельбина и цисплатина.

Понимание биологии РЛ может быть использовано для разработки новых подходов к адъювантной терапии. Так, препараты, одобренные при метастатическом процессе, ингибиторы тирозин-киназы (ИТК) EGFR, такие как эрлотиниб или gefitinib и моноклональные антитела (бевацизумаб), в настоящее время используются для проведения адъювантной терапии. Влияние двухлетнего лечения адъювантным gefitinibом (250 мг/сут) по сравнению с плацебо было изучено в

исследовании BR.19, включавшим 503 пациента с НМРЛ стадиями IB-IIIa [3]. Среди пациентов, включенных в исследование, 49% имели IB стадию заболевания, 38% II стадию и 13% III стадию. Чаще встречалась аденокарцинома (59%), 17% больных получали АХТ. После периода наблюдения в течение 4,7 лет безрецидивная выживаемость составила 4,2 лет для gefитиниба, в группе плацебо еще не достигнута, HR = 1,22 (95% ДИ 0,93-1,61, p = 0,15). Наличие EGFR мутаций не предсказывало лучшей безрецидивной выживаемости с gefитинибом. Продолжается рандомизированное двойное слепое исследование Radiant по изучению влияния адьювантного эрлотиниба (150 мг/сут) у пациентов с иммуногистохимическими EGFR-положительными опухолями.

Бевацизумаб (15 мг/кг каждые 3 недели в течение 1 года) при трех различных режимах ХТ с включением цисплатины в настоящее время проходит испытания в адьювантной терапии (ECOG 1505). Промежуточные результаты показали существенное увеличение проявлений 3/4 степени токсичности при назначении бевацизумаба (с 68,5% в контрольной группе до 83,4%, p < 0,001), которые в основном выражались гипертензией, протеинурией и болями в животе [3]. Набор будет завершен в 2013 году.

Пероральный антиангиогенный препарат пазопаниб был оценен при неоадьювантном назначении [3]. Размер опухоли после средней длительности лечения 16 дней был уменьшен у 86% пациентов! Продолжаются рандомизированные исследования II/III фазы по изучению эффективности адьювантного пазопаниба по сравнению с плацебо у больных с I стадией НМРЛ (исследование IFCT 0703, NCT00775307).

В рандомизированных исследованиях (NCT00480025, NCT00475098) в адьювантных режимах изучаются нехимиотерапевтические подходы, включающие MAGE-A3, антиген-специфические агенты и низкомолекулярный **тинзапарин**.

Таким образом, в настоящее время ни один из таргетных препаратов не может быть предложен в адьювантном режиме при НМРЛ вне клинических исследований, даже у молекулярно-отобранных пациентов.

Лечение распространенного НМРЛ

У 75% пациентов НМРЛ к моменту постановки диагноза выявляется местнораспространенный или метастатический процесс. Согласно рекомендациям, в качестве химиотерапии первой линии предпочтительнее использовать комбинации на основе производных платины, при этом частота лечебного эффекта составляет 20-40%, а медиана общей выживаемости (ОВ) — 7-12 мес [2].

Лечение больных распространенным НМРЛ на данном этапе определяется не только стадией заболевания, но и гистологическим типом опухоли, молекулярно-генетическими изменениями, определяющими чувствительность опухоли к тем или иным таргетным агентам, и исходным состоянием пациента. В ходе исследований, направленных на улучшение результатов лечения, были

выявлены различия в выживаемости в зависимости от гистологического типа опухоли: у пациентов с неплоскоклеточным НМРЛ пеметрексед оказался эффективнее гемцитабина (оба препарата применялись в комбинации с цисплатином), доцетаксела (оба препарата использовались в качестве химиотерапии второй линии в монорежиме), у пациентов с плоскоклеточным НМРЛ такой закономерности выявлено не было [24].

Результаты самого крупного мета-анализа показали статистически значимое, хотя и клинически умеренное, увеличение общей выживаемости (ОВ) при назначении платиносодержащей терапии по сравнению с оптимальной симптоматической терапией; химиотерапия стала стандартом лечения первой линии при распространенном НМРЛ у пациентов с удовлетворительным общим состоянием. К началу прошлого десятилетия химиотерапия достигла «плато» в эффективности проводимого лечения больных РЛ.

За последнее десятилетие значительный прогресс достигнут в характеристике молекулярных нарушений в опухолях НМРЛ, которые используются в качестве молекулярных мишеней и прогностических маркеров для выбора таргетной терапии. Так, в патогенезе аденокарциномы легких были выявлены, по крайней мере, два основных пути: активация KRAS, связанная с курением, и активация EGFR у некурящих [34]. Аденокарциномы легких, возникающие у «никогда» или «незлостных» курильщиков, характеризуются заметно более высокой частотой молекулярных нарушений, в том числе EGFR и HER2 тирозинкиназы (ТК) домен-активирующих мутаций и EML4-ALK (p23q35) транслокации. Недавно среди абсолютно некурящих больных с аденокарциномой была обнаружена дополнительная потенциально таргетная транслокация KIF5-BRET(10p; 11q), (p11.22; q11-21) [23].

Плоскоклеточный РЛ менее гистологически и молекулярно изучен, чем аденокарциномы. Плоскоклеточный рак также таит генетические аномалии в результате активации онкогенов, в том числе EGFRvIII (делеция экзонов 2-7) и DDR2 мутаций и FGFR1(8p12) амплификации гена. Другие генетические аномалии были обнаружены в обоих основных гистологических подтипах НМРЛ, в том числе, PIK3CA мутации и MET амплификация (7q21-q31), AKT1 и MAP2K1 мутации [21].

Известно, что сигнальные пути с участием рецептора эпидермального фактора роста (EGFR) играют важную роль в развитии и прогрессировании эпителиальных злокачественных опухолей человека, включая НМРЛ. Активация пути с участием EGFR может стимулировать рост и прогрессирование опухоли, пролиферацию опухолевых клеток, продукцию ангиогенных факторов, инвазию и метастазирование, а также ингибировать апоптоз [20]. За прошедшее десятилетие созданы и подверглись интенсивному изучению при НМРЛ два низкомолекулярных селективных ИТК – gefитиниб и эрлотиниб. Клинические и лабораторные исследования, выполненные в последние годы, позволили лучше понять факторы, с помощью которых можно прогнозировать эффективность

этих лекарственных средств. Ингибирование EGFR, ранее применявшееся только при неэффективности стандартного лечения, стало изучаться в качестве терапии первой линии.

К декабрю 2010 года представлены результаты четырех рандомизированных исследований III фазы, в которых gefитиниб сравнивался с платиносодержащей терапией у больных распространенным НМРЛ, подходящих для терапии первой линии [1, 7, 9], два из которых проведены специально у больных с мутацией гена EGFR. У пациентов с мутациями гена EGFR использование gefитиниба в первой линии терапии приводило к увеличению выживаемости без прогрессирования, более высокой частоте объективного ответа при лучшем профиле токсичности и более высокому качеству жизни, чем при стандартной химиотерапии. Гетерогенность объективного ответа в зависимости от наличия или отсутствия мутации гена EGFR, показанная в исследовании IPASS даже у пациентов, отобранных по клиническим характеристикам (гистологический тип – аденокарцинома; статус курения – никогда или мало курившие), при которых выше вероятность этой мутации и объективного ответа на ингибиторы ТК EGFR, подтверждает использования молекулярных характеристик для правильного выбора терапии [9]. Интересным аспектом стала доказанная эффективность gefитиниба у людей старше 75 лет с НМРЛ, не получавших химиотерапию и несущих EGFR мутацию.

Проведено 2 крупных международных клинических исследования по применению эрлотиниба при НМРЛ с наличием мутации EGFR, со сходным дизайном. В них было показано значительное увеличение ВВП при терапии эрлотинибом в сравнении с химиотерапией у пациентов европейского (исследование EURTAC) и азиатского (исследование OPTIMAL) происхождения. Целью исследования EURTAC было изучение эффективности и безопасности эрлотиниба по сравнению со стандартной химиотерапией на основе платины (пациенты получали комбинацию цисплатина в дозе 75 мг/м² с доцетакселом в дозе 75 мг/м² в 1 день или гемцитабина в дозе 1250 мг/м² 1 и 8 дни либо комбинацию карбоплатина AUC6 и доцетаксела в дозе 75 мг/м² или карбоплатина AUC 5 и гемцитабина в дозе 1000 мг/м² 1 и 8 дни) при назначении в первой линии у пациентов с распространенным НМРЛ с мутацией EGFR, проживающих в Европе [30]. В исследовании было продемонстрировано двухкратное увеличение медианы времени до прогрессирования. На основании полученных положительных данных независимым наблюдательным комитетом рекомендовано исследование остановить.

В исследование OPTIMAL было включено 165 больных IIIВ и IV стадий НМРЛ с мутацией EGFR азиатской расы, не получавших предшествующего лечения. Пациенты были рандомизированы на 2 группы в отношении 1:1. Первая группа получала эрлотиниб в дозе 150 мг/день, вторая группа комбинацию карбоплатина AUC 5 и гемцитабина в дозе 1000 мг/м² 1 и 8 дни каждые 3 недели. Показано трехкратное увеличение медианы ВВП в груп-

пе эрлотиниба – 13,1 мес. против 4,6 мес. в группе химиотерапии.

Афатиниб (BIBW2992) – новый необратимый ингибитор тирозинкиназ рецепторов семейства EGFR и erbB 2. У неотобранных по молекулярным характеристикам заболевания пациентов, у которых в анамнезе имелись неудача химиотерапии и применение эрлотиниба или gefитиниба, афатиниб по сравнению с плацебо вызывал статистически значимое увеличение ВВП, но не ОВ [14]. В исследовании II фазы у больных распространенным НМРЛ с мутацией гена EGFR были показаны высокая частота объективного ответа (ЧОО) и увеличение ВВП. Учитывая эти данные, большой интерес вызвали результаты многоцентрового рандомизированного открытого исследования III фазы LUX-Lung 3 [19]. В исследовании принимали участие пациенты с аденокарциномой поздних стадий с мутациями EGFR, получавшие в первой линии афатиниб в дозе 40 мг ежедневно (230 пациентов) либо комбинацию цисплатина в дозе 75 мг/м² и пеметрекседа 500 мг/м² каждые 3 недели до 6 циклов (115 пациентов). Проводилась сравнительная оценка эффективности и безопасности афатиниба и режима пеметрексед+цисплатин. Медиана времени до прогрессирования в группе афатиниба была достоверно выше и составила 11,1 мес., а в группе пеметрексед+цисплатин – 6,9 мес.

Икотиниб – новый ИТК EGFR. В исследовании I фазы была изучена эффективность и переносимость препарата в лечении 59 пациентов IV стадий НМРЛ [18]. У 27 пациентов (45,8%) был достигнут частичный ответ, у 17 (28,8%) – стабилизация заболевания, у 15 (25,4%) – прогрессия заболевания. Частота объективного ответа (ЧОО) составила 45,8% (27/59). У 36 пациентов (61,0%) была достигнута регрессия симптомов в разной степени: кашля, астматического удушья, боль и охриплость. Основными нежелательными явлениями были кожная сыпь (35,6%) и диарея (15,3%). Эффективность икотиниба гидрохлорида была связана с общим состоянием пациентов, историей курения, наличием мутации EGFR ($P < 0,05$). В другом открытом исследовании I фазы изучалась эскалация дозы, безопасность / переносимость перорального икотиниба в дозе от 100 до 400 мг, принимаемого дважды в день в течение 28-дневных циклов до прогрессирования заболевания или чрезмерной токсичности в китайской популяции пациентов НМРЛ. 40 пациентов с IIIВ (15%) или IV (85%) стадией НМРЛ были включены в исследование [36]. У 85% пациентов встречались аденокарциномы, статус по ECOG 0 был у 45%, 1 55% больных – и в 45% случаев была история курения, а все пациенты в анамнезе имели по крайней мере один режим химиотерапии. Пациенты были разделены на три уровня доз по 150 мг два раза, 200 мг или 125 мг три раза в день. Побочные эффекты были обнаружены у 35% пациентов, большинство из которых были незначительными и обратимыми. Неблагоприятные явления развивались в основном в течение первых 4 недель и включали: сыпь (25%), диарею, тошноту, вздутие живота. Наблюдался 1 случай развития интерстициального пульмонита у паци-

ента, получавшего препарат в дозе 200 мг два раза в сутки. При 8-недельной оценке один (2,5%) из пациентов, принимавших 150 мг, получил полный ответ, который сохранялся в течение 44 недель, 7 (17,50%) пациентов имели частичную ремиссию и 18 (45%) пациентов – стабилизацию заболевания. Объективный ответ в том числе ПР + ЧР составил 20%. Средняя ВБП у 40 пациентов была 20 недель (диапазон: от 12 до 32 недель). Ответ не зависел от гистологических типов опухоли, истории курения или предыдущих схем лечения. Следовательно, икотиниб при пероральном приеме два раза в день показал хорошую переносимость: легкая и обратимая сыпь, понос и тошнота были основными побочными эффектами. Противоопухолевая активность была очевидна для каждой дозы в интенсивном лечении пациентов. Фармакодинамическая оценка и дальнейшие исследования фазы II / III продолжаются.

Таким образом, результаты исследований по применению ИТК EGFR у больных с мутацией гена EGFR свидетельствуют, что ее наличие является важным предсказательным фактором объективного ответа на противоопухолевые препараты. Больные с мутацией гена EGFR должны в качестве первой линии терапии получать ИТК EGFR.

KRAS мутации являются наиболее распространенными (примерно 20%) онкогенными изменениями при НМРЛ. Для этого подтипа НМРЛ нет эффективной целевой терапии. В основе механизма действия селуметиниба (Selumetinib, AZD6244, Арри-142866) лежит подавление MEK1/2 сигнального пути [28]. Проведено проспективное исследование эффективности комбинации селуметиниба и доцетаксела против доцетаксел + плацебо у пациентов IIIВ-IV стадией KRAS мутантного НМРЛ на основе доклинических наблюдений (NCT00890825). Больные, ранее получавшие химиотерапию, принимали доцетаксел в дозе 75 мг/м² и перорально селуметиниб в дозе 75 мг или плацебо. В период с апреля 2009 г. по июнь 2010 г. 422 пациента были скринированы в 67 центрах в 12 странах, 113 имели KRAS мутантный НМРЛ и 87 были рандомизированы: в группу доцетаксела – 43; доцетаксела+ селуметиниба – 44. Наиболее частыми проявлениями гематологической токсичности 3/4 степени были (доцетаксел против доцетаксела+ селуметиниба): нейтропения (54,8% / 67,4%), фебрильная нейтропения (0% / 15,9%); негематологической токсичности 3-4 степени: одышка (11,9% / 2,3%), астения (0% / 9,1%), дыхательная недостаточность (4,8% / 6,8%), угревой дерматит (0% / 6,8%).

Прекращение лечения из-за НЯ было сходным: 18,2% в группе доцетаксела+ селуметиниба против 11,9% в группе доцетаксела. ЧОО при назначении доцетаксела+ селуметиниба составила 37%, а доцетаксела – 0, $p < 0,0001$ и ВБП в группе доцетаксела – 2,1 мес., доцетаксела+ селуметиниба – 5,3 мес. **Таким образом, первое проспективное исследование продемонстрировало клиническое преимущество таргетной терапии (SEL + DOC) для пациентов с мутантным KRAS.**

Одним из наиболее значимых событий в онкологии этого десятилетия остается регистрация FDA препарата кризотиниб (PF-02341066) в августе 2011 года. Выявленные транслокации EML4-ALK при НМРЛ в 2007 году привело к быстрому изучению и внедрению в клинику ALK-ингибитора – кризотиниба (PF-02341066) [10, 25]. Клинические и патологические различия показывают, что ALK-позитивный НМРЛ является самостоятельным клиническим подтипом заболевания. Распространенность ALK-мутации в общей популяции у пациентов с НМРЛ колеблется от 1,6% до 8,6%. У больных с аденокарциномой, как правило, колеблется в диапазоне от 2,4% до 5,6% и редко встречается при плоскоклеточном раке. ALK-позитивный НМРЛ связан с молодым возрастом (медиана 50 лет) и встречается преимущественно у никогда или мало куривших [8, 38].

Уже в I и II фазах клинических исследований большинство ответов было достигнуто в течение первых 8 недель лечения и продолжительность ответа составила 48,1 и 41,9 недель соответственно [10]. По данным последнего анализа, медиана ВБП заболевания в фазе I исследования составила 10,0 месяцев; вероятности выживания через 6 и 12 месяцев были 90% и 81% соответственно. Эффект от терапии кризотинибом наступал быстро и длительно сохранялся. Данные исследований I и II фазы показывают, что пациенты оставались на препарате дольше, чем на своей предыдущей терапии. В исследовании I фазы средняя продолжительность предыдущей терапии была 14,0 недель, а медиана продолжительности терапии кризотинибом во второй линии составила 31,1 недель [10]. В исследовании II фазы средняя продолжительность предыдущей терапии составила 12,1 недель, а средняя продолжительность терапии кризотинибом составила 22,3 недель у 93 пациентов, продолжающих лечение. Медиана ВБП в исследовании I фазы в группе кризотиниба была значительно больше по сравнению с любой стандартной терапией сравнения (HR в 0,28-0,38). Кроме того, хотя данные по общей выживаемости для кризотиниба являются неопределенными, HR для ОВ в группе кризотиниба по сравнению с любым из стандартных схем терапии было 0,27-0,47. Профиль токсичности кризотиниба выгодно отличается от дублета платины и таксанов, которые обычно ассоциируются с токсичностью 3/4 степени: цитопении (в 10-40%, в том числе фебрильная и не фебрильная нейтропения), тошнота (2-7%), рвота (3-6%), усталость (5-7%) и алоpecia 1-2 степени (10-58%) [12]. Качество жизни пациентов является важной частью высококачественного лечения рака. При оценке качества жизни пациентов в исследовании II фазы установлено, что при назначении кризотиниба общее качество жизни сохраняется в течение всего курса терапии и связано с клинически значимыми преимуществами в контроле над ключевыми симптомами усталости, боли, одышки, кашля, бессонницы и потери аппетита [сам обзор].

В исследовании PROFILE 1007 318 пациентов НМРЛ с наличием ALK мутаций, получавших в первой линии платиносодержащую химиотерапию, были рандомизирова-

ны на 2 рукава в соотношении 1:1. Одна группа получала кризотиниб в дозе 250 мг 2 раза в сутки непрерывно, вторая группа пеметрексед в дозе 500 мг/м² или доцетаксел – 75 мг/м² (n=159). Медиана времени до прогрессирования составила 7,7 мес. в группе кризотиниба против 3,0 мес. в группе с цитостатиками.

В другом исследовании III фазы (A8081014) кризотиниб сравнивается с комбинацией пеметрекседа с цисплатином или карбоплатином у пациентов с ALK-позитивным НМРЛ. Профиль безопасности кризотиниба является допустимым. В основном нежелательные явления (НЯ), связанные с гастроинтестинальными проявлениями, были 1-2 степени.

Доступные методы для обнаружения ALK-мутаций включают реакции флуоресцентной *in situ* гибридизации (FISH), иммуногистохимии (ИНС) и обратной транскриптазы полимеразной цепной реакции (ПЦР). На сегодняшний день FISH наиболее часто используются в клинических исследованиях и этот тест утвержден FDA [32].

Таким образом, использование кризотиниба у больных с подтвержденной транслокацией EML4-ALK, ведущее к получению выраженного клинического эффекта у больных, получавших ранее несколько линий терапии, демонстрирует развитие направления по индивидуализации терапии НМРЛ.

Поддерживающая терапия

Пациенты со стабилизацией заболевания или полным/частичным ответом проходят регулярные обследования для выявления прогрессирования заболевания – подход «настороженного ожидания». В то же время, многие пациенты не получают последующую терапию из-за стремительного прогрессирования симптомов и ухудшения общего состояния. Терапией выбора в этой ситуации является поддерживающая терапия (ПТ).

ПТ назначается с целью увеличить ВБП и ОВ при условии минимального количества побочных эффектов; ее продолжают до прогрессирования заболевания или развития неприемлемых токсических явлений. Существуют различные подходы к выбору поддерживающего лечения. Могут применяться как цитостатики, так и таргетные препараты. Терапия поддержки может быть проведена одним из препаратов, входивших в режим индукционной терапии (*продолжение поддержки*), либо используется другой агент с иным механизмом действия и спектром побочных эффектов (*переключение*).

Наиболее значимые результаты в исследованиях по *продолжению поддержки* получены в двойном слепом многоцентровом рандомизированном плацебо-контролируемом исследовании III фазы PARAMOUNT [17], где пеметрексед изучался в качестве поддерживающей терапии после индукционной терапии комбинацией пеметрексед + цисплатин. Исследование состояло из двух фаз: индукционная фаза без рандомизации и поддерживающая фаза с рандомизацией. В индукционной фазе пациенты получали 4 цикла терапии пеметрекседом (500 мг/м²) и цисплатином (75 мг/м²); препараты вводились в 1-й

день 21-дневного цикла. Пациенты без признаков прогрессирования заболевания после завершения 4 циклов индукционной терапии и с показателем общего состояния по шкале ECOG 0–1 балл рандомизированы на две группы (в соотношении 2:1). В 1-й группе пациенты получали поддерживающую терапию пеметрекседом (500 мг/м² в 1-й день каждого 21-дневного цикла) и оптимальную симптоматическую терапию (ОСТ), во 2-й группе – плацебо и ОСТ; лечение проводили до прогрессирования заболевания. Основным критерием эффективности была ВБП в ПТ-популяции (все рандомизированные пациенты). Из 1022 включенных в исследование пациентов 939 участвовали в индукционной фазе, из которых 539 были рандомизированы на две группы для следующего этапа исследования. В 1-й группе пациенты продолжали получать ПТ пеметрекседом и ОСТ (n = 359), во 2-й группе – получали плацебо и ОСТ (n = 180). У 359 пациентов, рандомизированных для продолжения ПТ пеметрекседом, было отмечено статистически значимое снижение риска прогрессирования заболевания по сравнению с группой плацебо (отношение рисков 0,62; 95%-й доверительный интервал [95% ДИ] 0,49–0,79; p < 0,0001). Медиана ВБП, которая рассчитывалась от даты рандомизации, составила 4,1 мес. (95% ДИ 3,2–4,6) в группе пеметрекседа и 2,8 мес. (95% ДИ 2,6–3,1) в группе плацебо. Результаты ОВ в исследовании PARAMOUNT будут проанализированы после достижения заданного числа событий. Гематологические нежелательные явления III–IV степени, возможно, связанные с лечением, были более распространены в группе пеметрекседа (9 %) по сравнению с группой плацебо (<1 %, p < 0,0001), такая же тенденция наблюдалась и в отношении негематологических нежелательных явлений III–V степени (9% в группе пеметрекседа; против 4% в группе плацебо; p = 0,080); в каждой группе было зарегистрировано по одному летальному исходу, возможно, связанному с лечением.

Таким образом, продолжение ПТ пеметрекседом – эффективный и хорошо переносимый подход к лечению неплоскоклеточного НМРЛ поздних стадий у пациентов с удовлетворительным общим состоянием и отсутствием прогрессирования заболевания после индукционной терапии пеметрекседом и цисплатином.

Другие исследования III фазы в области НМРЛ, аналогичные исследованию PARAMOUNT, также показали эффективность продолжения ПТ после индукционной терапии двухкомпонентными комбинациями на основе производных платины. В 2 исследованиях поддерживающей терапии гемцитабином после индукционной терапии гемцитабином с цисплатином она привела к увеличению ВБП по сравнению с плацебо [27, 33]. Несмотря на то, что оба наблюдения не обладали достаточной статистической мощностью для анализа выживаемости, в одном исследовании было выявлено статистически значимое увеличение ОВ у пациентов с исходно удовлетворительными показателями общего состояния. В другом недавнем исследовании III фазы изучалось продолжение ПТ

гемцитабином у пациентов без прогрессирования заболевания после 4 циклов гемцитабина с карбоплатином. Результаты этой работы не показали увеличения ВВП и ОВ в группе поддерживающей терапии по сравнению с группой плацебо. В отличие от других исследований ПТ, которые ограничивались пациентами с удовлетворительными показателями общего состояния (0–1 балл), в данном наблюдении у 64 % пациентов этот показатель исходно был 2 балла и более. Кроме того, незначительное число пациентов (< 20 %) получали в последующем терапию второй линии. **Суммируя эти результаты, можно сделать вывод о том, что пациенты с распространенным НМРЛ с исходно неудовлетворительным общим состоянием могут не иметь преимуществ от поддерживающей терапии.**

После получения результатов исследований ECOG 4599 и AVAIL при распространенном неплоскоклеточном НМРЛ бевацизумаб стал использоваться в сочетании с химиотерапией комбинацией из двух препаратов на основе производных платины в качестве терапии первой линии с последующей поддерживающей монотерапией бевацизумабом [29, 31]. В рамках исследования III фазы AVAPERL (MO22089) недавно было показано, что продолжение ПТ пеметрекседом с бевацизумабом привело к статистически значимому увеличению ВВП по сравнению с продолжением ПТ только бевацизумабом после индукционной терапии пеметрекседом + цисплатином + бевацизумаб [4]. Кроме того, в исследовании III фазы (POINTBREAK, NCT00614822) изучали индукционную терапию пеметрекседом + бевацизумаб + карбоплатин с последующим продолжением поддерживающей терапии пеметрекседом с бевацизумабом либо бевацизумабом [26]. Общая выживаемость составила 12,6 мес. в группе пеметрексед+ бевацизумаб и 13,4 мес. в группе бевацизумаба.

Поддерживающая монотерапия пеметрекседом после индукционной терапии комбинацией из двух препаратов (без пеметрекседа) – (терапия *переключения*) на основе производных платины увеличивает ВВП и ОВ. Показатели ВВП в группе ПТ пеметрекседом были сходными с полученными результатами в исследовании PARAMOUNT: медиана ВВП у пациентов с неплоскоклеточным НМРЛ составила 4,5 мес. (95% ДИ 4,2-5,6). В итоговом анализе выживаемости Ciuleanu et al. дополнительно продемонстрировали статистически значимое увеличение ОВ, особенно в группе пациентов с неплоскоклеточным НМРЛ.

В качестве препарата поддержки после 4 курсов терапии комбинацией гемцитабина и карбоплатина был использован и доцетаксел. Больные рандомизировались к лечению доцетакселом или наблюдению с назначением доцетаксела при прогрессировании болезни. Медиана времени без прогрессирования составила 5,7 мес. HR: 0.63 в группе поддерживающей терапии против 2,7 мес в группе отсроченного доцетаксела $P=0.01$. Медиана общей выживаемости также была выше у пациентов, получавших поддерживающую терапию – 12,3 против 9,7 мес., однако разница статистически недостоверна.

Безусловно, негативным моментом для пациентов при назначении в качестве препаратов поддержки цитостатиков является отсутствие промежутка без активной терапии и высокий уровень токсичности. Назначение ИТК, имеющих удобную лекарственную форму и иной, более благоприятный профиль токсичности, в качестве препаратов для поддержки оправдано.

Хорошо известны результаты регистрационного исследования III фазы SATURN, в котором 889 больных без признаков прогрессирования болезни после четырех курсов двухкомпонентных платиносодержащих режимов получали поддерживающее лечение эрлотинибом или плацебо. Медиана ВВП была достоверно выше в группе эрлотиниба: 3,1 против 2,8 мес., отмечена также достоверная разница в медиане ОВ: 12 против 11 мес. Препарат был эффективен в независимости от гистологического варианта опухоли, но наиболее – при аденокарциноме и БАР.

По результатам двойного слепого плацебо-контролируемого исследования 3 фазы INFORM gefитиниб, назначенный в качестве препарата поддерживающей терапии у пациентов из Восточной Азии с НМРЛ IIIВ или IV стадии, получивших 4 цикла платиносодержащей терапии в первой линии без прогрессирования или выраженной токсичности, продемонстрировал достоверно лучшие результаты по сравнению с плацебо. Так, медиана ВВП составила 4,8 мес. в группе gefитиниба и 2,6 мес. в группе плацебо. Наиболее частыми побочными эффектами в группе gefитиниба были: сыпь 50 % против 9% в группе плацебо, диарея (25% против 9%), повышение уровня трансаминаз (21% против 8%). У 10 пациентов из 147, получавших ИТК, зарегистрированы серьезные нежелательные явления. Таким образом, поддерживающая терапия gefитинибом у пациентов из Восточной Азии с распространенным НМРЛ, получивших первую линию терапии без прогрессирования, достоверно влияет на выживаемость без прогрессирования.

Итак, при принятии решения о терапии поддержки должны браться в расчет: гистология, ответ на платино-дуплетную химиотерапию, остаточную токсичность после терапии первой линии, общее состояние больного и предпочтения пациента. Любой пациент с опухолью, несущей активированную EGFR мутацию, должен получать EGFR ИТК в качестве терапии поддержки, если не получил ее при терапии первой линии.

Новые терапевтические подходы

Поскольку прогноз НМРЛ остается плохим, развитие новых терапевтических подходов остается востребованным. Хотя НМРЛ не рассматривался, как иммунно-опосредованная злокачественная опухоль, в последние несколько лет наблюдается возрастающий интерес к развитию методов лечения, способных модулировать иммунный ответ, включая вакцины и неспецифические иммунорегуляторные препараты (например, ипилимумаб). Ипилимумаб является антителом человека, связывающим антиген CTLA-4 (cytotoxic T lymphocyte-associated antigen

4) – молекулу цитотоксичных Т лимфоцитов, которая, вероятно, играет важную роль в регуляции естественных иммунных ответов [11]. Он уже был одобрен в США FDA для лечения метастатической меланомы и находится в стадии исследования для лечения других солидных опухолей, в т.ч. РЛ. Ипилимумаб показал многообещающие результаты в первой линии терапии НМРЛ во II фазе клинических исследований комбинации карбоплатин/паклитаксел с одновременным или последовательным назначением его [35]. ВВП составила 5,68 месяца для рукава с последовательным назначением ипилимумаба и 4,63 месяца в группе химиотерапии (отношение рисков [ОР] = 0,68, $p = 0,026$), 5,52 месяца для рукава с одновременным ипилимумабом по сравнению с 4,63 месяца для химиотерапии (HR = 0,77, $p = 0,094$). Основными нежелательными явлениями были гипофизит, энтероколит и гипертиреоз. Эти неблагоприятные явления купировались назначением высоких доз глюкокортикоидов. Продолжаются III фазы клинических исследований, в том числе по использованию ипилимумаба в лечении ранней стадии РЛ. Определяются прогностические биомаркеры для использования в лечении пациентов с НМРЛ.

В исследовании II фазы персонализированных пептидных вакцинаций (personalized peptide vaccination (PPV), на основе уже существующего гуморального иммунного ответа, были отобраны и вводились подкожно (еженедельно в течение 6 недель подряд) 4 пептида больным рефрактерным НМРЛ [35]. В исследование были включены 41 больной НМРЛ с IIIВ-IV стадией, которые не реагировали на химиотерапию и/или таргетную терапию (среднее количество режимов – 3, средняя продолжительность предшествующей терапии 10 месяцев).

Медиана (ОВ) была 304 дней, а однолетняя выживаемость составила 42%. Основной токсичностью PPV были кожные реакции в местах инъекций, никаких серьезных побочных эффектов не наблюдалось. В целях выявления потенциальных биомаркеров для предсказания ответа до и после вакцинации были ретроспективно оценены на основе многомерного регрессионного анализа Кокса клинические и лабораторные данные. Среди значимых факторов до вакцинации рассматривается высокий уровень С-реактивного белка (СРБ). Уровень был достоверным предиктором неблагоприятного прогноза [отношение рисков (ОР) = 10,115, 95% (ДИ) = 2.447-41.806, $P = 0,001$], после вакцинации значимыми предикторами неблагоприятного прогноза стали высокий уровень СРБ и низкий уровень CD3 и CD26 лимфоцитов (HR = 23,127, 95% CI = 2.919-183.233, $P = 0,003$; HR = 0,952, 95% ДИ = 0.917-0.989, $p = 0,012$).

Таким образом, PPV могут быть использованы для лечения пациентов с НМРЛ. Оценка выявленных факторов до вакцинации может быть потенциально полезной для отбора больных НМРЛ, которые, скорее всего, будут иметь лучший прогноз после PPV.

В заключение хотелось отметить, что терапия немелкоклеточного рака легкого – один из самых активно развивающихся разделов онкофармакологии и молекулярной биологии. Продолжение крупных исследований по выявлению молекулярно-генетических изменений НМРЛ, выделение подтипов заболевания и назначение терапии направленного действия, с учетом наличия тех или иных молекулярных мишеней, позволяет надеяться на значительное улучшение результатов лечения пациентов с этой тяжелой патологией в ближайшем будущем.

Литература

1. A randomized phase III study of gefitinib (IRESSA) versus standard chemotherapy (gemcitabine plus cisplatin) as a first-line treatment for never-smokers with advanced or metastatic adenocarcinoma of the lung. / Lee JS, Park K, Kim SW, et al. – 2009. – Presented at World Conference on Lung Cancer, [abstract PRS.4].
2. Azzoli C.G., Baker S.Jr., Temin S. et al. American Society of Clinical Oncology Clinical Practice Guideline update on chemotherapy for stage IV non-smallcell lung cancer // J. Clin. Oncol. – 2009. – Vol.27. – P.6251-6266.
3. Besse B., Le Chevalier T. Developments in the treatment of early NSCLC: when to use chemotherapy // Annals of Oncology. – 2012. – 23. – V 23(10). – p.52-59.
4. Barlesi F., de Castro J., Dvornichenko V. et al. AVAPERL (MO22089): final efficacy outcomes for patients (pts) with advanced non-squamous non-small cell lung cancer (nsNSCLC) randomised to continuation maintenance (mtc) with bevacizumab (bev) or bev+emetrexed (pem) after first-line (1L) bev +cisplatin (cis)-pem treatment (Tx) // Eur. J. Cancer. – 2011. – Vol.47 (suppl 2): 16 (abstr34LBA.9007).
5. Belani C. Phase III study of maintenance gemcitabine (G) and best supportive care (BSC) versus BSC, following standard combination therapy with gemcitabine-carboplatin (G-Cb) for patients with advanced non-small cell lung cancer (NSCLC) // ASCO. – 2010. – Abstract 7506.
6. Bray FI, Weiderpass E. Lung cancer mortality trends in 36 European countries: secular trends and birth cohort patterns by sex and region 1970–2007 // Int. J. Cancer. – 2009. – Vol.126. – P.1454-1466.
7. Gridelli C. et al. Gefитиниб в качестве терапии первой линии при распространенном немелкоклеточном раке легкого с активирующей мутацией гена рецептора эпидермального фактора роста обзор исследований // J. Lung Cancer. – 2011. – Vol.71. – P. 249-257 /
8. Thunnissen E., Bubendorf L., Dietel M. et al. EML4-ALK testing in non-small cell carcinomas of the lung: a review with recommendations // Virchows Arch. – 2012. – P.1281-1284.
9. Final overall survival results from a phase III, randomised, open-label, first-line study of gefitinib vs. carboplatin/paclitaxel in clinically selected patients with advanced non-small cell lung cancer in Asia (IPASS)/Yang CH, Fukuoka M, Mok TS, Wu YL, et al. / Presented at European Society of Medical Oncology meeting. – 2010. – [abstract LBA2].

10. Scagliotti G, Stabel R, Rosell R. *et al.* ALK translocation and crizotinib in non-small cell lung cancer: An evolving paradigm in oncology drug development // *European Journal of Cancer*. – 2012. – Vol.48. – P.961-973.
11. Genova C, Rijavec E, Barletta G. *et al.* Ipilimumab (MDX-010) in the treatment of non-small cell lung cancer // *Expert Opin Biol Ther*. – 2012. – Vol.12(7). – P.939-948.
12. Gerber DE, Minna JD. ALK inhibition for non-small cell lung cancer: from discovery to therapy in record time // *Cancer Cell*. – 2010. – Vol.18. – P.548-551.
13. International Adjuvant Lung Cancer Trial Collaborative Group, Arriagada R, Bergman B *et al.* Cisplatin-based adjuvant chemotherapy in patients with completely resected non-small-cell lung cancer // *N. Engl. J. Med*. – 2004. – Vol. 35. – P. 351-360.
14. Chib-Hsin J. Yang First-line treatment with afatinib prolonged progression-free survival (PFS) in patients with epidermal growth factor receptor (EGFR) mutation– positive advanced lung adenocarcinoma // *ASCO*. – 2012 (Abstract LBA7500).
15. Jemal A, Bray F, Center MM. *et al.* Global cancer statistics // *J. CA Cancer Clin*. – 2011. – Vol.61. – P.69-90.
16. Karim-Kos HE, de Vries E, Soerjomataram I. *et al.* Recent trends of cancer in Europe: a combined approach of incidence, survival and mortality for 17 cancer sites since the 1990s // *Eur. J. Cancer*. – 2008. – Vol.44. – P.1345-1389.
17. Paz-Ares L, de Marinis F, Dediu M. *et al.* PARAMOUNT:Phase III study of maintenance pem plus BSC versus placebo plus BSC immediately following induction treatment with pem plus cisplatin for advanced nonsquamous NSCLC // *Lancet Oncol*. – 2012. – Vol.13. – P.247-255.
18. Li X, Yang XJ, Sun YF. Clinical observation of icotinib hydrochloride for patients with advanced non-small cell lung cancer // *Expert Opin Biol Ther*. – 2012. – Vol.12(7). – P.939-948.
19. LUX-Lung 3: A randomized, open-label, phase III study of afatinib versus pemetrexed and cisplatin as first-line treatment for patients with advanced adenocarcinoma of the lung harboring EGFR-activating mutations // *ASCO*. – 2012. – Abstract 91942.http://www.asco.org/ASCOv2/Meetings/Abstracts?vmview=abst_detail_view&confID=114&abstractID=91942
20. Maemondo M, Inoue A, Kobayashi K, Sugawara S, Oizumi S, Isobe H. *et al.* Gefitinib or chemotherapy for non-small-cell lung cancer with mutated EGFR // *N. Engl. J. Med*. – 2010. – Vol.362. – P.2380-2388.
21. Malvezzi M, Bertuccio P, Levi F. *et al.* European cancer mortality predictions for the year 2012 // *Annals of Oncology*. – 2012. – Vol.23. – P.1044-1052.
22. Mitsudomi T, Morita S, Yatabe Y. *et al.* Gefitinib versus cisplatin plus docetaxel in patients with non-small-cell lung cancer harbouring mutations of the epidermal growth factor receptor (WJTOG3405): an open label, randomised phase 3 trial // *Lancet Oncol*. – 2010. – Vol.11. – P.121-128.
23. Mok TS, Wu YL, Thongprasert S. *et al.* Gefitinib or carboplatin-paclitaxel in pulmonary adenocarcinoma // *N. Engl. J. Med*. – 2009. – Vol.361. – P.947-957.
24. Non-small Cell Lung Cancer Collaborative Group. Chemotherapy in non-small cell lung cancer: a meta-analysis using updated data on individual patients from 52 randomised clinical trials // *Brit. Med. J*. – 1995. – Vol.311. – P. 899-909.
25. Palmer RH, Vernersson E, Grabbe C, Hallberg B. Anaplastic lymphoma kinase: signalling in development and disease // *Biochem. J*. – 2009. – Vol.420. – P.345-361.
26. Patel JD, Bonomi P, Socinski MA. *et al.* Treatment rationale and study design for the PointBreak study: a randomized, open-label phase III study of pemetrexed/carboplatin/bevacizumab followed by maintenance pemetrexed/ bevacizumab versus paclitaxel/ carboplatin/bevacizumab followed by maintenance bevacizumab in patients with stage IIIB or IV nonsquamous non–small-cell lung cancer // *Clin. Lung. Cancer*. – 2009. – Vol.10. – P.252-256.
27. Perol M, Chouaid C, Milleron BJ. *et al.* Maintenance with either gemcitabine or erlotinib versus observation with predefined second-line treatment after cisplatin–gemcitabine induction chemotherapy in advanced NSCLC: IFCTGFPC 0502 phase III study // *Proc. Am Soc Clin Oncol*. – 2010. – Vol.28(suppl 15): abstr.7507.
28. Phase II double-blind, randomized study of selumetinib (SEL) plus docetaxel (DOC) versus DOC plus placebo as second-line treatment for advanced KRAS mutant non-small cell lung cancer(NSCLC) // *ASCO*. – 2012. – Annual Meeting Session Type and Session Title: Oral Abstract Session, Lung Cancer -Non-small Cell Metastatic.
29. Reck M, von Pawel J, Zatloukal P. *et al.* Overall survival with cisplatin gemcitabine and bevacizumab or placebo as first-line therapy for nonsquamous non-small-cell lung cancer: results from a randomised phase III trial (AVAiL) // *Ann Oncol*. – 2010. – Vol.21. – P.1804-1809.
30. Rosell R, Carcereny E, Gervais R. Erlotinib versus standard chemotherapy as first-line treatment for European patients with advanced EGFR mutation-positive non-small-cell lung cancer (EURTAC): a multicentre, open-label, randomised phase 3 trial // *Int. J. Oncol*. – 2012. – Vol.40(5). – P.1492-1500.
31. Sandler A, Gray R, Perry MC. *et al.* Paclitaxel-carboplatin alone or with bevacizumab for non–small-cell lung cancer // *N. Engl. J. Med*. – 2006. – Vol.355. – P.2542-2550.
32. Sasaki T, Janne PA. New strategies for treatment of ALK rearranged non-small cell lung cancers // *Clin. Cancer. Res*. – 2011. – Vol.17. – P.7213-7218.
33. Scagliotti GV, Parikh P, von Pawel J. *et al.* Phase III study comparing cisplatin plus gemcitabine with cisplatin plus pemetrexed in chemotherapy-naïve patients with advanced-stage non-small-cell lung cancer // *J. Clin. Oncol*. – 2008. – Vol.26. – P.3543-3551.

34. *Sequist L.V., Martins R.G., Spigel D. et al.* First-line gefitinib in patients with advanced non-small-cell lung cancer harboring somatic EGFR mutations // *J. Clin. Oncol.* – 2008. – Vol.26. – P.2442-2449.
35. *Tomasini P., Khobta N., Greillier L., Barlesi F.* Ipilimumab: its potential in non-small cell lung cancer // *Ther Adv Med Oncol.* – 2012. – Vol. 4(2). – P.43-50.
36. *Wang H.P., Zhang L., Wang Y.X. et al.* Phase I trial of icotinib, a novel epidermal growth factor receptor tyrosine kinase inhibitor, in Chinese patients with non-small cell lung cancer // *Chin. Med. J. (Engl.)*. – 2012. – Vol.124(13). – P.1933.
37. *Winton T., Livingston R., Johnson D. et al.* Vinorelbine plus cisplatin vs. observation in resected non-small-cell lung cancer // *N. Engl. J. Med.* – 2005. – Vol.352. – P.2589-2597.
38. *Yang C., Shib J., Su W., Hsia T., Tsai C., Kwak E.L., Bang Y.J., Camidge D.R. et al.* Anaplastic lymphoma kinase inhibition in non-small-cell lung cancer // *N. Engl. J. Med.* – 2010. – Vol.363. – P.1693-1703.
39. *Yoshiyama K., Terazaki Y., Matsueda S. et al.* Personalized peptide vaccination in patients with refractory non-small cell lung cancer // *Int. J. Oncol.* – 2012. – Vol.40(5). – P.1492-1500.